

ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГОЧАСТИЧНЫХ ЯВЛЕНИЙ В НАНОКЛАСТЕРАХ МЕТАЛЛОВ (Au, Cu) ВБЛИЗИ ИХ ПЕРЕХОДА В НЕМЕТАЛЛИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

*В. Д. Борман, П. В. Борисюк, В. В. Лебидько,
М. А. Пушкин, В. Н. Тронин, В. И. Троян**

*Московский инженерно-физический институт
115409, Москва, Россия*

Д. А. Антонов, Д. О. Филатов

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
603950, Нижний Новгород, Россия*

Поступила в редакцию 26 июля 2005 г.

Представлены результаты экспериментального исследования многочастичных явлений в нанокластерах золота и меди. Обнаружено, что в зависимости от высоты h нанокластера измеренная проводимость имеет минимум при $h \approx 0.6$ нм. Проводимость носит локальный характер при размере нанокластеров $l \leq l_c \approx 2.5$ нм. Показано, что изменение экранировки остовой дырки и аномальное увеличение индекса сингулярности Андерсона α в нанокластерах золота и меди могут быть обусловлены изменением диэлектрической проницаемости от металлической ($\epsilon \rightarrow \infty$) до неметаллической $\epsilon \propto l^2$. Обнаруженные особенности в исследуемых многочастичных явлениях в рентгеновских фотоэлектронных и туннельных спектрах нанокластеров золота и меди с изменением размера позволяют сделать предположение об изменении зонной структуры исследуемых нанокластеров и, следовательно, об их возможном переходе из металлического в неметаллическое состояние.

PACS: 73.22.-f

1. ВВЕДЕНИЕ

Исследования фундаментальных свойств структур пониженной размерности — кластеров, квантовых точек и нитей — в последние годы получили широкое развитие [1]. Это обусловлено использованием результатов этих исследований для создания новых материалов с заданными электрическими, магнитными и оптическими свойствами, а также для разработки качественно новых наноэлектронных устройств [2]. Среди наноразмерных объектов в настоящее время активно исследуются [1, 3, 4] нанокластеры — образования, состоящие из атомов, число которых изменяется от единиц до десятков и сотен, и занимающие по своим свойствам промежуточ-

ную область между отдельными атомами и твердым телом.

Физические характеристики кластеров существенно зависят как от составляющих их атомов, так и от их количества (размера нанокластера). Так, в работах [5, 6] было установлено, что вольт-амперные характеристики (ВАХ) нанокластеров золота на поверхности TiO_2 и железа на поверхности GaAs, полученные с помощью сканирующей туннельной спектроскопии (СТС), при определенных размерах имеют вид, характерный для полупроводников, т. е. в спектре валентных электронов наблюдается щель с энергией $E_g \approx 1$ эВ. Обнаруженные явления изменения частоты плазмонных возбуждений в кластерах ртути [7] и изменения соотношения интенсивностей линий в тонкой структуре оже-спектров в нанокластерах меди, вызванных переходами электронов между подуровнями одной и той же оболочки с

*E-mail: Troyan@mephi.ru

участием валентных электронов атомов меди (процесс Костера–Кронига) [8] с изменением их размера, также могут свидетельствовать о переходе нанокластеров металлов в неметаллическое состояние.

В работе [9] наблюдалось уменьшение потенциала ионизации с увеличением размера кластера для свободных нанокластеров ртути от величины 10.4 эВ (одиночный атом ртути) до значения 4.5 эВ, равного работе выхода объемного металла, которое также может свидетельствовать о переходе кластеров ртути из неметаллического состояния в металлическое. Исследованию изменения характера связи атомов в кластерах двухвалентных металлов (Hg) в модели Хаббарда посвящена работа [10]. Оценки размеров кластеров, при которых возможен переход металл–неметалл в рамках упрощенной однозонной модели, выполнены в работе [11]. Вычисление параметров кластеров, таких как энергия связи атомов, потенциал ионизации и возможная щель, для кластеров Zn_n ($n = 2-20$) с различной геометрической конфигурацией методом функционала плотности выполнено в работе [12]. Определены также размеры кластеров цинка, при которых у них могут проявляться полупроводниковые свойства.

Настоящая работа посвящена исследованию многочастичных явлений в нанокластерах металлов с заполненными d -оболочками (Au, Cu) вблизи их перехода в неметаллическое состояние с помощью спектроскопии конечных состояний остовных оболочек атомов — рентгеновской фотоэлектронной спектроскопии (РФЭС). Использование данной методики позволило исследовать структуру валентной зоны и ее эволюцию при изменении среднего размера нанокластеров.

При появлении положительного заряда, обусловленного фотоэмиссией электрона с остовного уровня атома кластера, в результате отклика электронной системы в нанокластере возникают многочастичные явления. К таким явлениям относятся исследуемые в настоящей работе явления возбуждения электрон-дырочных ($e-h$) пар [13, 14], приводящие к асимметрии РФЭС-линии, а также экранировка остовной дырки валентными электронами, приводящая к изменению энергии связи остовных электронов (ΔE_b) [15]. В результате одноэлектронных переходов в связанное конечное состояние в поле остовной дырки в РФЭС-спектрах могут появляться линии сателлитов «встряски» (shake-up) [16]. Однако вследствие быстрого экранирования остовной дырки электронами проводимости в металле сателлиты встряски наблюдаются лишь в химических соединениях металлов [16].

Причиной рождения низкоэнергетичных $e-h$ -пар с большими импульсами, согласно [17], является образование остовной дырки с большой эффективной массой, что эквивалентно внезапному появлению локального возмущения в электронном газе. Так как остовная дырка со своей бесконечной эффективной массой способна воспринять любой импульс, возможно возбуждение большого числа таких $e-h$ -пар без затраты энергии, что приводит к сингулярности в РФЭС-спектре («инфракрасная катастрофа» [17]). Рождение таких $e-h$ -пар с почти непрерывным спектром у поверхности Ферми ($0 < \varepsilon_{e-h} < \infty$) проявляется в виде асимметрии РФЭС-линии со стороны больших энергий связи (меньших кинетических энергий) фотоэлектронов и количественно характеризуется индексом сингулярности Андерсона α [18]. Отклик валентных электронов на положительную остовную дырку, так называемая межатомная релаксация [19], проявляется в виде экранирования избыточного положительного заряда ионизованного атома электронами проводимости на уровне Ферми. Энергия электронов, выделяемая в результате их релаксации, приводит к увеличению кинетической энергии фотоэлектрона, движущегося в твердом теле и, следовательно, к изменению измеряемой РФЭС-энергии связи E_b .

Нанокластеры золота и меди на поверхности высокоориентированного пиролитического графита (ВОПГ) формировались с помощью импульсного лазерного осаждения (см. разд. 2). Диаметр и высота нанокластеров и корреляция этих размеров определялись с использованием методики сканирующей туннельной микроскопии (СТМ), а их ВАХ измерялись с помощью СТС.

Обнаружено, что измеренный методом СТС туннельный ток, а следовательно, и проводимость нанокластеров золота в зависимости от высоты h нанокластера имеют минимум при $h \approx 0.6$ нм, увеличиваясь при $h > 2.5$ нм до значения, соответствующего металлическому состоянию. Наблюдается осцилляторная структура проводимости в зависимости от напряжения. В пределах одного нанокластера проводимость носит локальный характер, изменяясь в зависимости от высоты кластера в точке измерения.

Для определения индекса сингулярности α , а также энергии связи остовных электронов E_b анализировалась форма и положение РФЭС-линий $Au4f_{7/2}$ и $Cu2p_{3/2}$. Получены экспериментальные зависимости от размера нанокластеров величин α , сдвига энергии связи ΔE_b , а также вкладов в ΔE_b энергий связи начального ($\Delta\varepsilon$) и конечного (ΔR) состояний (см. разд. 3).

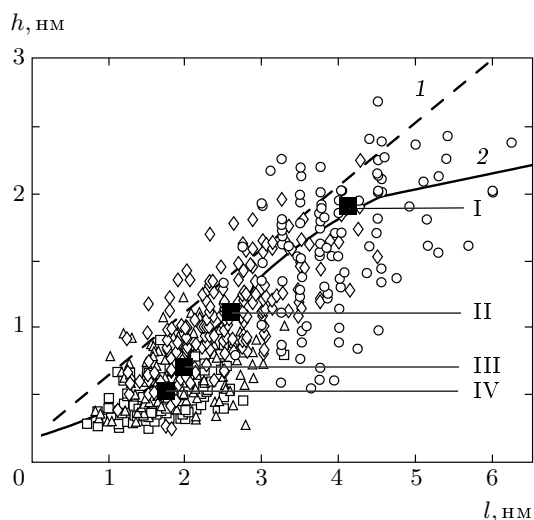
Возможной причиной наблюдаемых особенностей в поведении этих величин с изменением размера l нанокластеров металлов является зависимость от l диэлектрической проницаемости, $\varepsilon(l)$, определяющей экранировку возмущающего потенциала остовой дырки валентными электронами. Эта зависимость обусловлена дискретностью энергетических уровней электронов в кластере нанометрового размера [20]. Как показано в работе [20], в отличие от экранировки Томаса – Ферми [21], при которой для металла в длинноволновом приближении (волновой вектор возмущения $q \rightarrow 0$) диэлектрическая проницаемость $\varepsilon \rightarrow \infty$, для кластеров величина $\varepsilon(q)$ конечна и определяется размером нанокластера ($\varepsilon(l) \propto l^2$). Согласно результатам, полученным в настоящей работе (см. разд. 3), величина диэлектрической проницаемости нанокластеров меди и золота с размерами примерно $0.6 \times 2.0 \text{ нм}^2$ (высота и диаметр¹⁾, $h \times l$ составляет $\varepsilon \approx 10$.

Наблюдаемое anomalно большое увеличение асимметрии линии $\text{Au}4f_{7/2}$ в нанокластерах золота с уменьшением их размера, которое не может быть объяснено рождением $e-h$ -пар, по-видимому, обусловлено присутствием в РФЭС-спектрах сателлитов встряски, положение и интенсивность которых зависят от размеров нанокластеров.

2. МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТА

Формирование нанокластеров проводилось методом импульсного лазерного осаждения металла (Cu и Au) на поверхность (0001) ВОПГ при комнатной температуре в условиях сверхвысокого вакуума ($p_{res} \approx 5 \cdot 10^{-10}$ Торр) в камере препарирования электронного спектрометра XSAM-800. Излучение YAG:Nd³⁺-лазера ($\lambda = 1.06$ мкм, длительность импульсов $\tau = 15$ нс, частота повторения 25 Гц, энергия в импульсе 80 мДж) фокусировалось на мишень, закрепленную внутри камеры препарирования. Поверхностная плотность осаждаемых за один импульс атомов металла составляла $2 \cdot 10^{13} \text{ см}^{-2}$ при длительности импульса осаждения $\tau_p \approx 10^{-6}$ с. Полное количество осажжденного вещества как функция числа импульсов осаждения при заданных геометрии и энергии лазерного излучения определялось *in situ* методом РФЭС по затенению пика подложки согласно методике, описанной в работе [23], и *ex situ* методом обратного

¹⁾ Придерживаясь принятой [22] терминологии, под диаметром кластера мы понимаем латеральный размер (для полусферического кластера — диаметр) его основания.

Рис. 1. Значения средних высот h нанокластеров золота в зависимости от их средних диаметров l , сформированных при различном числе лазерных импульсов осаждения $N = 10$ ($\square$), 100 ($\triangle$), 200 ($\diamond$), 400 ($\circ$); 1 — зависимость, соответствующая образованию трехмерных нанокластеров; 2 — зависимость, аппроксимирующая значения средних диаметров нанокластеров золота. Выделены точки I — $N = 400$, $\langle l \rangle \approx 4.1$ нм, $\langle h \rangle \approx 1.9$ нм; II — $N = 200$, $\langle l \rangle \approx 2.6$ нм, $\langle h \rangle \approx 1.1$ нм; III — $N = 100$, $\langle l \rangle \approx 2$ нм, $\langle h \rangle \approx 0.7$ нм; IV — $N = 10$, $\langle l \rangle \approx 1.8$ нм, $\langle h \rangle \approx 0.5$ нм

резерфордовского рассеяния. Была исследована серия образцов с количеством осажженного вещества $n = 2 \cdot 10^{14} - 2 \cdot 10^{15}$ ат./см², что соответствовало числу импульсов осаждения $N = 10 - 400$ и среднему диаметру кластеров $l = 1 - 4.5$ нм. Средний размер нанокластеров ($h \times l$) определялся из изображений нанокластеров золота с атомным разрешением, полученных методом СТМ.

Из анализа СТМ-изображений были построены функции распределения нанокластеров золота по высотам h и диаметрам l , использование которых позволило определить значения средних высот и диаметров нанокластеров. О корреляции высоты кластера и его диаметра дает представление рис. 1, на котором приведены результаты СТМ-измерений, при различном количестве импульсов осаждения. Значения средних размеров нанокластеров были аппроксимированы кривой, показанной на рис. 1 сплошной линией. На этом же рисунке штриховой прямой представлена зависимость $h(l)$ для нанокластеров полусферической формы ($2h/l = 1$). Из рис. 1 видно, что форма нанокластеров при

$l \approx 4$ нм (большие размеры) близка к полусферической ($2h/l \approx 0.9$), в то время как при $l \approx 1$ нм (малые размеры) близка к полуэллипсоидальной ($2h/l \approx 0.6$). Другими словами, кластеры в диапазоне диаметров $l \approx 2.5\text{--}4.5$ нм можно трактовать как трехмерные, а при $l \approx 1\text{--}2.5$ нм — как двумерные. Наблюдаемое отклонение зависимости $h(l)$ от характера поведения, соответствующего образованию трехмерных нанокластеров при $l \geq 4.5$ нм может быть обусловлено возможной коалесценцией нанокластеров, в условиях которой происходит увеличение латеральных размеров нанокластеров, непропорциональное их высоте. Полученная зависимость $h(l)$ позволила изучить электронные свойства нанокластеров в зависимости от их формы и среднего размера.

Для исследования электронных состояний нанокластеров золота и меди в зависимости от их размеров, а следовательно, и возможного изменения их металлических свойств, были использованы методы РФЭС, оже-спектроскопии, СТМ и СТС. Это позволило определить размеры, при которых существенно изменяется электронная структура нанокластеров вблизи их перехода в неметаллическое состояние.

Исследования фотоэлектронных спектров остовных и валентных уровней атомов нанокластеров и подложки, а также спектров возбуждаемых рентгеновским излучением оже-электронов, проводились с использованием излучения $\text{MgK}_{\alpha_{1,2}}$ ($h\nu = 1253.6$ эВ). Погрешность измерения энергии связи составляет 0.1 эВ. Исследовались РФЭС-спектры остовных электронных уровней $\text{Cu}2p$ и $\text{Au}4f$ атомов и уровней $\text{C}1s$ подложки. Значения энергий связи для уровней объемных (металлических) образцов составляли $E_b(\text{Cu}2p_{3/2}) = 932.6$ эВ, $E_b(\text{Au}4f_{7/2}) = 84.0$ эВ. По результатам исследований асимметрии формы линий в спектрах остовных уровней $\text{Au}4f$ и $\text{Cu}2p$ нанокластеров были получены зависимости от размера нанокластеров индекса сингулярности α и изменения энергии связи $\Delta E_b = E_b^{cl} - E_b^{bulk}$, где E_b^{cl} и E_b^{bulk} — энергии связи соответственно в кластере и в объемном металле. Изменение энергии связи ΔE_b остовных электронов в нанокластерах определяется разностью изменений энергий связи начального, $\Delta\epsilon$ (до фотоионизации), и конечного, ΔR (после фотоионизации), электронных состояний:

$$\Delta E_b = \Delta\epsilon - \Delta R. \quad (1)$$

Величины $\Delta\epsilon = \epsilon^{cl} - \epsilon^{bulk}$ и $\Delta R = R^{cl} - R^{bulk}$, определяемые с помощью метода оже-параметра

[16], исследовались только для нанокластеров меди. Оже-параметр измерялся как сумма энергии связи уровня $\text{Cu}2p_{3/2}$ и кинетической энергии оже-линии $\text{Cu}L_3M_{45}M_{45}$. В случае нанокластеров золота измерялась лишь зависимость $\Delta E_b(l)$. Для золота оказалось невозможным выделить вклады в энергию связи энергий начального и конечного состояний из-за низкой интенсивности оже-линии $\text{Au}VVV$, положение которой необходимо знать для определения оже-параметра. Инертность золота к воздействию внешней среды позволила провести *ex situ* измерения формы и ВАХ нанокластеров золота с использованием методов СТМ и СТС, что в случае меди представляется затруднительным ввиду ее химической активности в атмосфере.

Для определения индекса сингулярности Андерсона α измерялась асимметрия формы РФЭС-линий, а форма линии $I(E_b)$ описывалась зависимостью [24], представляющей собой свертку асимметричной функции I_{DS} [25] с функцией Гаусса G :

$$I(E_b) = I_0 \int_{-\infty}^{\infty} I_{DS}(\omega) G(E_b - \omega) d\omega,$$

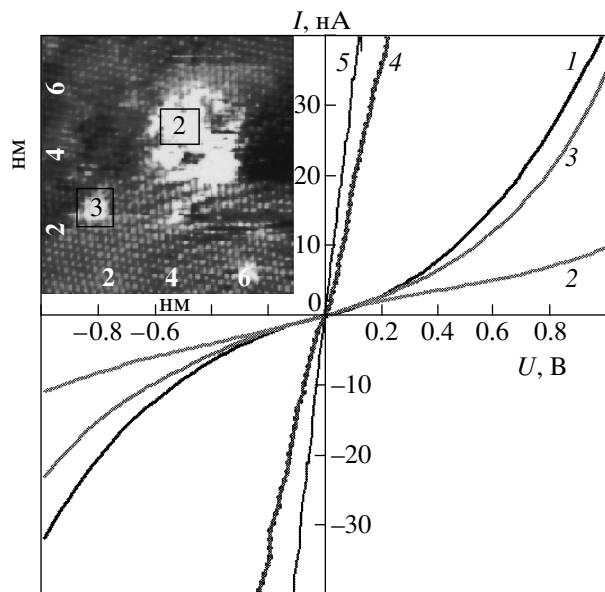
$$I_{DS} = \frac{\cos\left(\frac{\pi\alpha}{2} + (1-\alpha) \operatorname{arctg} \frac{E_b - E_b^{(0)}}{\gamma}\right)}{\left[\left(E_b - E_b^{(0)}\right)^2 + \gamma^2\right]^{(1-\alpha)/2}}, \quad (2)$$

$$G = A \exp\left[-\frac{\left(E_b - E_b^{(0)}\right)^2}{\gamma_{sp}^2/2 \ln 4}\right].$$

Функция Гаусса отвечает приборному уширению. Величина E_b — энергия связи, отсчитываемая от положения максимума пика $E_b^{(0)}$ для объемного металла, γ_{sp} — приборное уширение пика, $A = 2\sqrt{\ln 4/2\pi\gamma_{sp}^2}$, I_0 — нормировочный множитель. Функция I_{DS} является результатом свертки функции Лоренца, описывающей уширение спектральной линии за счет конечного времени жизни остовной дырки, $\tau_h = \hbar/\gamma$ (γ — ширина пика на его полувысоте), с асимметричной степенной функцией вида [17]

$$f\left(E_b - E_b^{(0)}\right) = \frac{\theta\left(E_b - E_b^{(0)}\right)}{\left(E_b - E_b^{(0)}\right)^{1-\alpha}}. \quad (3)$$

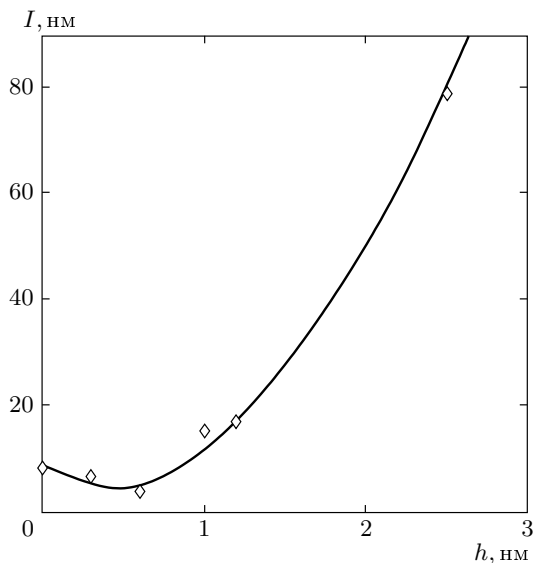
Эта функция отвечает спектру возбуждения e - h -пар на поверхности Ферми при экранировке

Рис. 2. Вольт-амперные характеристики ВОПГ (1) и нанокластеров золота различного размера, измеренные методом СТС: 2 — $0.6 \times 2 \text{ нм}^2$; 3 — $0.25 \times 1.1 \text{ нм}^2$; 4 — $2.5 \times 5 \text{ нм}^2$; 5 — объемное золото. На вставке в верхней части рисунка показаны СТМ-изображения нанокластеров золота

внезапно возникшей остовной дырки валентными электронами. Здесь $\theta(E_b - E_b^{(0)})$ — функция Хевисайда. Приборное уширение определялось по размытию отсечки РФЭС-спектра на уровне Ферми для металлических золота и меди и составило $\gamma_{sp} = 0.9 \pm 0.2 \text{ эВ}$. Таким образом, каждая спектральная линия задавалась четырьмя параметрами: положением $E_b^{(0)}$ пика, его интенсивностью I_0 , шириной γ и индексом сингулярности α . Варьируя параметры α и γ , добивались наилучшего соответствия экспериментальных и расчетных данных. Вклад фона неупруго рассеянных электронов в данном диапазоне энергий считался линейно возрастающим с ростом E_b [16].

Размеры, форма и электронные свойства нанокластеров золота на ВОПГ исследовались методами СТМ и СТС, реализованными в сверхвысоковакуумном микроскопе Omicron UHV AFM/STM LF1. Измеренные СТМ-зависимости туннельного тока от приложенного к игле напряжения (ВАХ) позволили сделать вывод об изменении электронных свойств нанокластеров золота при изменении их диаметра l и высоты h .

Рис. 3. Зависимость туннельного тока I от средней высоты h нанокластеров золота при фиксированном напряжении $U \approx 0.4 \text{ В}$

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТОВ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На рис. 2 представлены результаты измерений ВАХ отдельных нанокластеров золота на ВОПГ, которые были выполнены методом СТС. На рисунке видно, что ВАХ зависят от размеров нанокластеров в области от $h \times l = 0.6 \times 2.0 \text{ нм}^2$ до $h \times l = 2.5 \times 5.0 \text{ нм}^2$. Так, для нанокластеров золота с размерами большими, чем $2.5 \times 5.0 \text{ нм}^2$, проводимость близка к проводимости объемного золота (зависимости 4, 5 на рис. 2). ВАХ нанокластеров меньших размеров (зависимость 2 на рис. 2) лежат ниже ВАХ для ВОПГ (зависимость 1). Их проводимость по отношению к объемному металлу уменьшается более чем на порядок.

На рис. 3 представлена зависимость туннельного тока от h , построенная в соответствии с измеренными ВАХ для нанокластеров золота при фиксированном напряжении $U \approx 0.4 \text{ В}$. Видно, что зависимость $I(h)$ носит немонотонный характер. Действительно, при размерах нанокластера $h \times l = 0.3 \times 0.7 \text{ нм}^2$, что соответствует одному атомному слою золота высотой $h \approx 0.3 \text{ нм}$ и диаметром $l \approx 0.7 \text{ нм}$, туннельный ток уменьшается почти в 1.5 раза по сравнению с током от подложки ВОПГ ($h = 0$). При дальнейшем увеличении размера нанокластера до $h \times l = 0.6 \times 2.0 \text{ нм}^2$ туннельный ток достигает минимального значения $I \approx 3.6 \text{ нА}$ и при

$h \times l = 2.5 \times 5.0 \text{ нм}^2$ близок к значению туннельного тока для объемного золота. Такое немонотонное поведение туннельного тока в зависимости от размера нанокластера может быть обусловлено переходом атомов золота из хемосорбированного состояния ($h \approx 0.3 \text{ нм}$, кластер высотой в один атомный слой) в состояние, соответствующее объемному золоту ($h \approx 2.5 \text{ нм}$). При высотах h нанокластеров золота, расположенных в диапазоне от 0.4 нм до 0.5 нм, что близко к значению $h = 0.6 \text{ нм}$, соответствующему минимальному значению туннельного тока, электронная структура нанокластеров имеет дискретный характер, который проявляется в зависимости дифференциальной проводимости dI/dU от напряжения (рис. 4). Как видно на рисунке, в приведенных зависимостях наблюдается структура, проявляющаяся в виде уширенных пиков при $U \approx -0.75, -0.6, -0.35, 0.35, 0.5, 0.7 \text{ В}$. Разброс в расстояниях между пиками и в их интенсивностях (зависимости 1 и 2) обусловлен различием нанокластеров по их средним диаметрам и высотам. В соответствии с работой [3] наблюдаемую дискретную структуру можно трактовать как туннельный резонанс с участием отдельных электронных состояний нанокластеров золота, которые соответствуют квантованию уровней вдоль оси, перпендикулярной поверхности ВОПГ. Действительно, среднее расстояние между пиками составляет $\Delta E \approx 0.15\text{--}0.25 \text{ эВ}$. Эта величина совпадает со значением $\Delta E \approx 0.2 \text{ эВ}$, обусловленным квантованием «в ящике» с характерным размером примерно 0.2 нм. В кластерах высотой $h \approx 0.9 \text{ нм}$ (три атомных слоя) дискретная структура исчезает (кривая 3), что соответствует образованию зоны сплошного спектра электронных состояний с последующим переходом этих состояний в металлическое (рис. 4).

На рис. 5 приведены зависимости $I(U)$, измеренные с шагом примерно 0.4 нм в нескольких точках нанокластера размером $0.6 \times 2.0 \text{ нм}^2$ и профилем высоты, представленном на вставке к рис. 5. Видно, что ВАХ различны и наблюдается корреляция величины туннельного тока с высотой нанокластера, изменяющейся от одного до трех атомных слоев. Следует отметить, что при напряжениях на игле $|U| \leq 1 \text{ В}$ ВАХ, измеренные в точках 4–7 (см. вставку), располагаются ниже ВАХ, измеренной для ВОПГ (зависимость 1 на рис. 5). Зависимости 2 и 3 для точек высотой $h = 1\text{--}2$ атомных слоя близки к ВАХ ВОПГ, в то время как наклоны зависимостей 4–8 для точек с $h = 3$ атомных слоя существенно отличны от наклона зависимости $I(U)$ для ВОПГ. Наблюдаемое различие в наклонах ВАХ может сви-

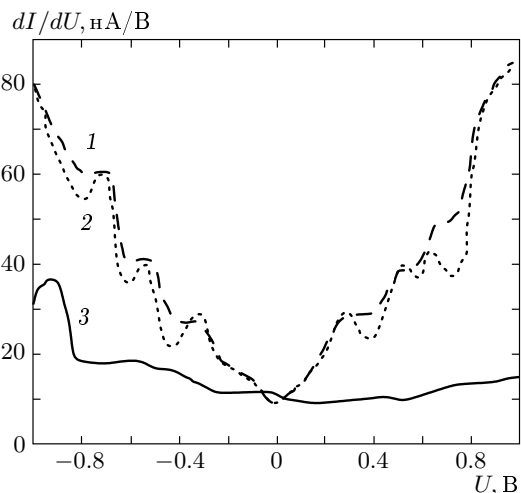

Рис. 4. Зависимости дифференциальной проводимости dI/dU от напряжения для нанокластеров золота с размерами $0.5 \times 1 \text{ нм}^2$ (1), $0.4 \times 1.2 \text{ нм}^2$ (2), $0.9 \times 3.5 \text{ нм}^2$ (3)

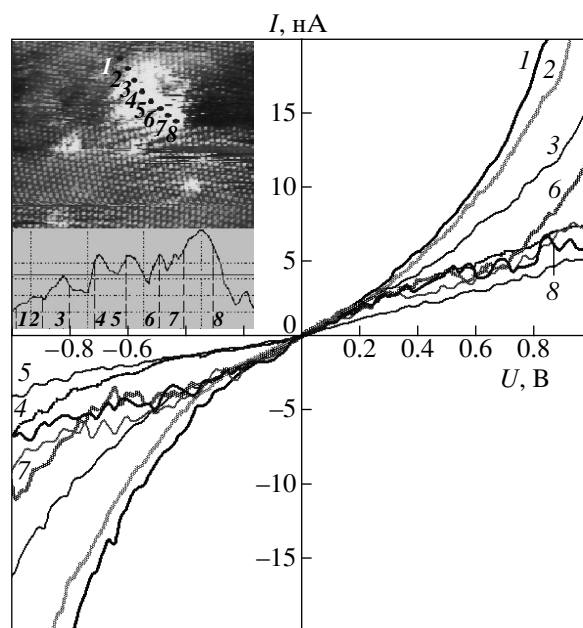
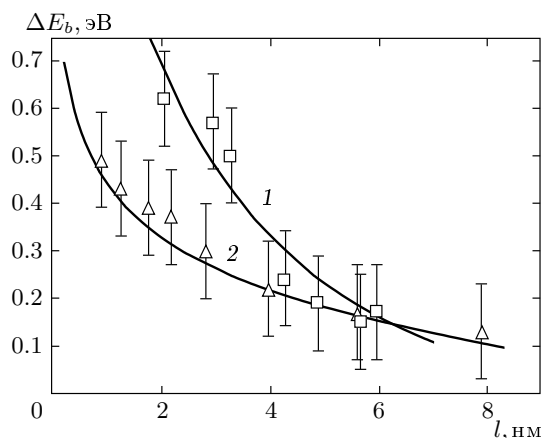

Рис. 5. Вольт-амперные характеристики ВОПГ (1) и нанокластеров золота со средним размером $0.6 \times 2 \text{ нм}^2$ и $h = 0.1 \text{ нм}$ (2), 0.26 нм (3), 0.54 нм (4), 0.56 нм (5), 0.62 нм (6), 0.45 нм (7), 0.89 нм (8). На вставке в верхней части рисунка показаны СТМ-изображение и профиль высот h нанокластера золота. Номера кривых соответствуют номерам точек на вставке

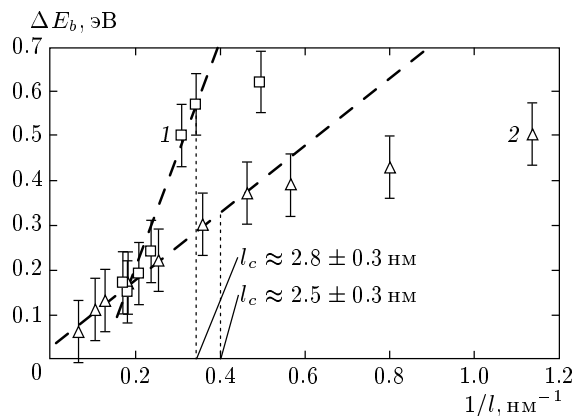

Рис. 6. Значения изменения энергии связи ΔE_b остовных электронов $Au4f_{7/2}$ и $Cu2p_{3/2}$ в нанокластерах золота (1) и меди (2) в зависимости от среднего диаметра l и их аппроксимации (сплошные линии на рисунке)

детельствовать о том, что ВАХ в пределах одного нанокластера носит локальный характер, что говорит о различной проводимости σ_c в разных точках нанокластера золота. Величина σ_c в точках 2 и 3 близка к проводимости ВОПГ, а проводимость в точках 4–8 почти в три раза ниже проводимости ВОПГ.

Особенности изменения зонной структуры исследуемых нанокластеров при изменении их размеров проявляются также и в зависимостях изменения энергии связи ΔE_b и индекса сингулярности α от размеров. Зависимости ΔE_b электронов $Au4f_{7/2}$ и $Cu2p_{3/2}$ от среднего диаметра l нанокластеров представлены на рис. 6. На рисунке видно, что при увеличении диаметра нанокластера ($l \rightarrow \infty$) величина $\Delta E_b \rightarrow 0$, т.е. энергия связи для кластера стремится к значению для объемного металла ($E_b^{cl} \rightarrow E_b^{bulk}$). При малых l величина $\Delta E_b > 0$, следовательно, энергия связи в кластерах больше, чем в объемном твердом теле и достигает значений $\Delta E_b = 0.4$ эВ для нанокластеров меди со средним диаметром $l \approx 1.0$ нм и $\Delta E_b = 0.6$ эВ для нанокластеров золота со средним диаметром $l \approx 2.0$ нм.

В соответствии с выражением (1) величина и знак ΔE_b зависят от соотношения энергий связи начального ($\Delta\epsilon$) и конечного (ΔR) состояний в нанокластере. Величины $\Delta\epsilon$ и ΔR в случае нанокластеров меди на поверхности ВОПГ, вычисленные с использованием метода оже-параметра при $l \approx 1$ нм, составили $\Delta\epsilon \approx -0.3$ эВ и $\Delta R \approx -0.7$ эВ. Эти значения соответствуют приведенной выше величине ΔE_b для $Cu2p_{3/2}$.

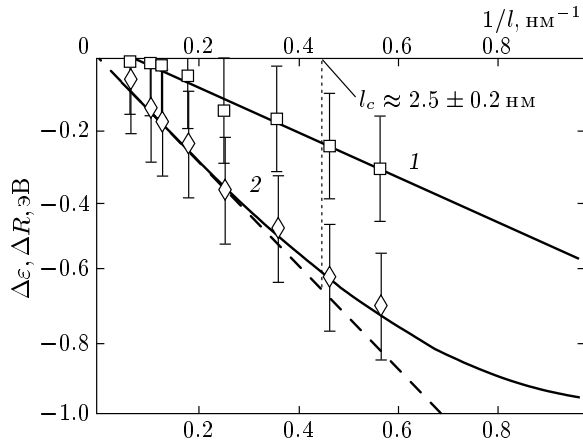

Рис. 7. Зависимости изменения энергии связи ΔE_b остовных электронов $Au4f_{7/2}$ и $Cu2p_{3/2}$ в нанокластерах золота (1) и меди (2) от обратного среднего диаметра $1/l$. Штриховыми линиями показаны линейные зависимости $\Delta E_b(1/l)$ для металлических кластеров

Для нанокластеров золота, как уже отмечалось, использовать метод оже-параметра и, следовательно, определить величины $\Delta\epsilon$ и ΔR не представляется возможным. Вместе с тем величина $\Delta\epsilon$ в зависимости от числа d -электронов в валентной зоне может быть как положительной (при $d < 5$), так и отрицательной (при $d > 5$) [15]. Электронные конфигурации для атомов золота и меди имеют соответственно вид $5d^{10}6s^1$ и $3d^{10}4s^1$, т.е. число d -электронов равно десяти. Следовательно, величина $\Delta\epsilon$ для золота, как и для меди, должна быть отрицательной. Величина ΔR для нанокластеров золота также меньше нуля, поскольку при уменьшении размера кластера имеет место сужение валентной зоны и s - d -регибридизация (изменение электронной конфигурации от $3d^{9.73}4s^{1.27}$ в металле до $3d^{10}4s^1$ в атоме для меди [26] и от $3d^{9.6}6s^{1.4}$ до $5d^{10}6s^1$ для золота [27])²⁾. Это означает, что энергия экранировки ΔR остовой дырки на уровне $Au4f_{7/2}$ валентными электронами в нанокластерах золота, как и в нанокластерах меди, меньше, чем в объемном металле. Поэтому в соответствии с выражением (1) величина ΔE_b должна быть положительной, что согласуется с экспериментальными данными (рис. 6).

Можно полагать, что изменение величин $\Delta\epsilon$, ΔR

²⁾ Зависимость s - d -гибридизации валентных электронов при уменьшении размера l нанокластера (регибридизация) аппроксимировалась в виде $z_s(l) = (a/l)\Delta z_s + z_s^m$, где $a \approx 0.3$ нм — размер атома, $\Delta z_s = z_s^{at} - z_s^m$, а величины z_s^{at} и z_s^m — числа s -электронов на атом соответственно в атоме и в объемном металле.

Рис. 8. Значения изменения энергий связи начального $\Delta\varepsilon$ (1) и конечного ΔR (2) состояний в нанокластерах меди в зависимости от обратного среднего диаметра $1/l$. Сплошными линиями показаны теоретическая зависимость $\Delta R(1/L)$, рассчитанная в соответствии с формулой (6), и линейная аппроксимация экспериментальных значений $\Delta\varepsilon(1/l)$. Штриховой линией показана линейная зависимость $\Delta R(1/l)$ для металлического кластера

и ΔE_b зависит от отношения числа атомов на поверхности S кластера к числу атомов в его объеме V [28]. Поэтому полученные зависимости удобно представить как функцию обратного среднего диаметра кластера, $1/l \sim S/V$ (рис. 7, 8). На рис. 7 видно, что зависимости $\Delta E_b(1/l)$ для кластеров золота и меди с размерами больше некоторых размеров l_c , равных $l_c \approx 2.8 \pm 0.3$ нм и $l_c \approx 2.5 \pm 0.2$ нм соответственно для золота и меди, можно аппроксимировать линейной функцией. Для кластеров малых размеров, $l < l_c$, наблюдается заметное отклонение зависимостей $\Delta E_b(1/l)$ от линейных. Как видно на рис. 8, величина $\Delta\varepsilon$ для нанокластеров меди в пределах погрешности линейно убывает с увеличением обратного среднего диаметра $1/l$ нанокластера, в то время как зависимость $\Delta R(1/l)$ при $l_c \approx 2.5 \pm 0.2$ нм отклоняется от линейного поведения. Такие зависимости $\Delta R(1/l)$ могут свидетельствовать об изменении экранировки островной дырки при малых размерах кластеров, $l < l_c$.

Наблюдаемые особенности зависимостей $\Delta E_b(1/l)$ и $\Delta R(1/l)$ можно объяснить в рамках следующей модели. Вследствие экранировки островной дырки, образовавшейся после фотоэмиссии, в кластере происходит перераспределение свободных электронов, приводящее к появлению на поверхности кластера положительного заряда.

Время жизни τ_l островной дырки больше времен, определяющих многочастичные явления, происходящие в результате отклика свободных электронов кластера на появление положительного кулоновского потенциала островной дырки. Действительно, характерные времена, определяющие динамику поведения электронной подсистемы в поле дырки, следующие: время поглощения кванта (рождения дырки) $\tau_{ab} \approx 10^{-17}$ с [29]; время фотоионизации $\tau_{ph-i} \approx \lambda_e/v \approx 10^{-16}$ с ($\lambda_e \approx 1$ нм — длина свободного пробега фотоэлектрона Cu2p с кинетической энергией $E_{kin} \approx 300$ эВ и скоростью $v = \sqrt{2E_{kin}/m} \approx 7 \cdot 10^8$ см/с); время релаксации (экранировки дырки) $\tau_c \approx 10^{-15}$ с [30]; время жизни дырки $\tau_l \approx \hbar/\gamma \approx 2 \cdot 10^{-15}$ с ($\gamma \approx 0.65$ эВ — ширина РФЭС-линии на полувысоте). В случае нанокластеров металлов, осажденных на подложку, время жизни дырки может определяться туннельной рекомбинацией дырки с электронами подложки. В этом случае время рекомбинации составляет $\tau_{rec} \approx 10^{-14} - 10^{-13}$ с [30].

Таким образом, наблюдается следующая иерархия времен: $\tau_{ab} < \tau_{ph-i} < \tau_r < \tau_l$. Следовательно, время жизни островной дырки самое большое, и можно предполагать, что на всех временах, меньших τ_l , многочастичные явления в твердом теле обусловлены откликом электронов на внешнее воздействие положительного потенциала в свободном нанокластере, слабо взаимодействующем с поверхностью ВОПГ. Следуя работе [31], изменение энергии ΔR можно связать с кулоновской энергией свободного (не взаимодействующего с подложкой) сферического заряженного проводящего кластера диаметром L :

$$\Delta R = \frac{\epsilon Q(L)}{L}, \quad (4)$$

где $Q(L)$ — положительный заряд на поверхности кластера, вызванный перераспределением валентных электронов в кластере. В случае металлического кластера дырка полностью экранируется электронами и $Q(L) = e$ (при условии $L \gg \lambda^{-1}$, где $\lambda^{-1} \approx 0.05$ нм — длина экранирования для меди, $\lambda^2 = 3.7 \cdot 10^{16}$ см⁻² [32]). При уменьшении размера кластера металлическая экранировка ослабляется, что приводит к уменьшению $Q(L)$. Величину $Q(L)$ можно оценить следующим образом. Зная выражения для потенциала и диэлектрической постоянной в q -представлении [33], экранированный кулоновский потенциал $V(L)$ для ограниченного твердо-

го тела можем представить в виде

$$V(L) = \frac{1}{\pi} \int_0^{\infty} \frac{V(q)}{\varepsilon(q, L)} \exp(-i\mathbf{q} \cdot \mathbf{L}) dq, \quad (5)$$

$$V(q) = \frac{4\pi e^2}{q^2},$$

где $\varepsilon(q, L)$ — диэлектрическая проницаемость нанокластера размера L , q — волновой вектор. Этот потенциал складывается из потенциалов остовой дырки ($2e/L$) и экранирующих ее электронов ($2Q^-(L)/L$):

$$V(L) = \frac{2e}{L} - \frac{2Q^-(L)}{L}.$$

Отсюда общий заряд электронов, экранирующих дырку, составляет

$$Q^-(L) = 2 - LV(L)/2.$$

Из условия сохранения заряда в кластере эта величина равна взятому с обратным знаком нескомпенсированному положительному заряду на поверхности кластера, $Q^-(L) = -Q(L)$. Таким образом, кулоновская энергия сферического кластера диаметром L с зарядом $Q(L)$ на поверхности, равная изменению энергии релаксации, представляется в виде

$$\Delta R(L) = \frac{e^2}{L} - \frac{eV(L)}{2}. \quad (6)$$

Напомним, что данное выражение получено в предположении отсутствия взаимодействия нанокластера с подложкой. Это предположение верно в том случае, когда процесс обмена заряда между кластером и подложкой происходит на временах $\tau \gg \tau_{ph-i}$.

В случае металлической экранировки в нанокластере потенциал $V(L) = 0$ и выражение (6) сводится к соотношению (4) с $Q(L) = e$. При этом сдвиг энергии экранировки, ΔR , линейным образом зависит от обратного размера кластера $1/L$, что согласуется с экспериментальными данными для кластеров меди с размерами $l > l_c \approx 2.5$ нм. Наблюдаемое отклонение экспериментальной зависимости $\Delta R(1/l)$ от линейной можно объяснить зависимостью диэлектрической проницаемости $\varepsilon(q, l)$ от размера нанокластера l . Действительно, учет конечности ферми-системы может приводить к изменению электронной структуры металла, проявляющемуся в дискретности электронных уровней, что, как следствие, может отражаться на диэлектрической проницаемости металлического нанокластера.

Воспользуемся простой моделью конечной ферми-системы в виде куба с ребром L . Как показано в

работе [20], функция $\varepsilon(q, L)$, учитывающая дискретную структуру электронных уровней в кубе, имеет вид

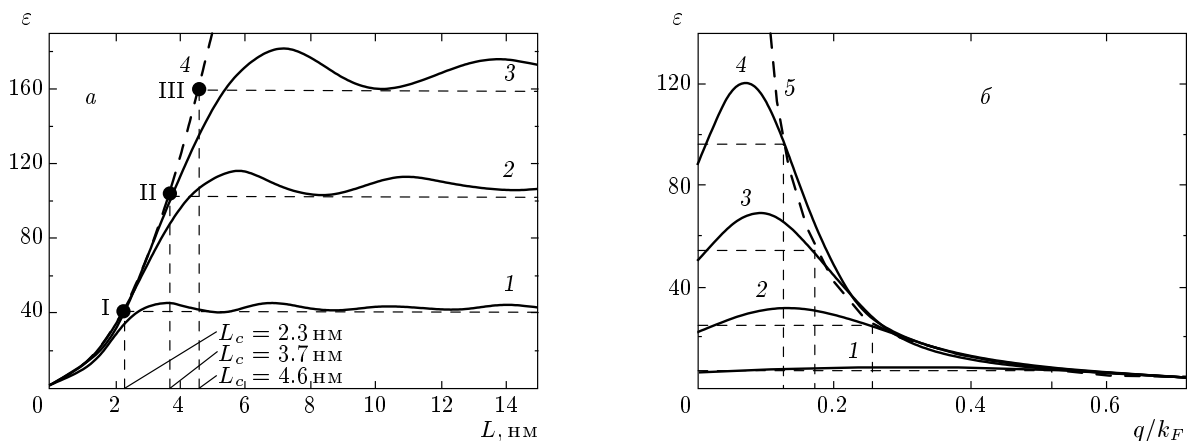
$$\varepsilon(q, L) = 1 + \frac{8\lambda^2}{L^2} \sum_{p=1}^{\infty} \frac{\sin^2 [q - q(p)] L/2}{[q^2 - q(p)^2]^2} \times \left[\frac{4k_F^2 - q(p)^2}{8q(p)k_F} \ln \left| \frac{2k_F + q}{2k_F - q} \right| + \frac{1}{2} \right], \quad (7)$$

где $\lambda^2 = 4\pi e^2 \rho(\varepsilon_F)$ — обратная длина экранирования, $\rho(\varepsilon_F)$ и k_F — плотность состояний и волновой вектор электронов на поверхности Ферми в объемном металле, $q(p) = p\pi/L$. Выражение (7) при $L \rightarrow \infty$ переходит в известную формулу Линхарда для $\varepsilon(q)$ [21], а при $q \rightarrow 0$ — в зависимость Томаса–Ферми $\varepsilon(q) = 1 + \lambda^2/q^2$ [21].

Зависимость диэлектрической проницаемости $\varepsilon(q, L)$ от размера L для значений волнового вектора $q = k_F/3, k_F/5, k_F/10$ представлена на рис. 9а. Видно, что при достижении некоторого размера $L_c(q)$ характер зависимости качественно меняется. При $L > L_c(q)$ диэлектрическая проницаемость практически не зависит от размера системы и с увеличением L стремится к постоянной величине, соответствующей диэлектрической функции Линхарда $\varepsilon(q)$ для фиксированного значения q (горизонтальные штриховые линии на рис. 9а). В длинноволновом приближении ($q \rightarrow 0$) эта функция переходит в зависимость $\varepsilon(q) = 1 + \lambda^2/q^2$, описывающую экранировку в объемном металле (экранировка Томаса–Ферми). При $L < L_c(q)$ диэлектрическая проницаемость не зависит от q и экранировка определяется размером L [20]:

$$\varepsilon(L) = 1 + \frac{\lambda^2 L^2}{2\pi^2}.$$

Значения L_c определяются как точки пересечения прямых $\varepsilon(q)$ при различных q с огибающей начальные участки ($L < L_c$) кривой $\varepsilon \propto L^2$. При этом в соответствии с условием $\varepsilon(q_c) = \varepsilon(L_c)$ имеет место соотношение $L_c = 2\sqrt{\pi}/q_c$. Величина L_c соответствует размеру системы (кластера), при котором экранировка Томаса–Ферми сменяется экранировкой, определяемой рассеянием электронов на стенках нанокластеров, аналогично рассеянию электронов с волновым вектором $k_L \approx 2\pi/L$ на узлах решетки. Видно, что величина k_L близка к значению волнового вектора q_c , выше которого происходит качественное изменение диэлектрической проницаемости ε . Следовательно, при $L \approx L_c$ происходит изменение экранировки остовой дырки в нанокластере.

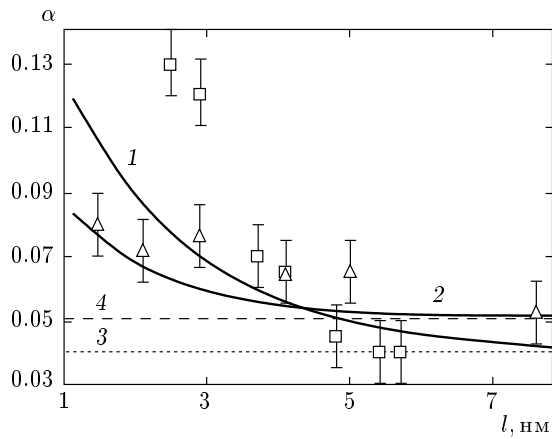
Рис. 9. а) Зависимость диэлектрической проницаемости ϵ от размера кластера L при $q = k_F/5$ (1), $k_F/8$ (2), $k_F/10$ (3). Штриховая кривая 4 соответствует зависимости $\epsilon(q) \propto L^2$, точки I, II, III — значениям размеров L_c , определяемых как точки пересечения прямых $\epsilon(q)$ при различных q с зависимостью 4. б) Зависимость диэлектрической проницаемости ϵ от волнового вектора q при $L = 1$ нм (1), 2 нм (2), 3 нм (3), 5 нм (4). Штриховая кривая 5 соответствует диэлектрической проницаемости Томаса–Ферми (металлическая экранировка)

Зависимости $\epsilon(q, L)$, используемые при вычислениях с помощью выражения (7), как функции q для разных значений размера L приведены на рис. 9б. Жирной штриховой линией на рисунке приведена зависимость диэлектрической проницаемости для объемного металла (экранировка Томаса–Ферми). Видно, что при $q < q_c$ величина диэлектрической проницаемости для системы ограниченного размера L остается конечной даже в длинноволновом пределе ($q \rightarrow 0$), а с увеличением L зависимость $\epsilon(q)$ совпадает с экранировкой Томаса–Ферми на все большем диапазоне значений волнового вектора q . Для простоты при интегрировании в выражении (5) использовалась функция $\epsilon(q, L) = \epsilon(q_c, L)$ при $q < q_c$ для каждого значения L (горизонтальные штриховые линии на рис. 9б).

Поэтому нанокластеры меди и золота имеют более сложную форму, которая может быть описана полуэллипсоидом вращения с полуосями h и $l/2$ (см. рис. 1). Для сравнения полученной теоретической зависимости $\Delta R(L)$ изменения энергии экранировки в модельном кластере в виде куба или сферы размера L (см. выражения (5)–(7)) с экспериментальными данными введем характерный размер кластера L , определяемый из равенства объемов полуэллипсоида и модельных кластеров: $L(l) = A(h/l)^{1/3}l$, где $A = \sqrt[3]{4}$ и $A = \sqrt[3]{2\pi/3}$ соответственно для куба и сферы. Теоретическая зависимость $\Delta R(1/L)$ для нанокластеров меди, рассчитанная в соответствии с выражениями (5)–(7), представлена на рис. 8 сплошной линией 2. Как видно на рис. 8, в преде-

лах погрешности наблюдается удовлетворительное соответствие экспериментальных и расчетных зависимостей $\Delta R(1/l)$. На рис. 8 штриховая линия соответствует линейной зависимости величины сдвига энергии экранировки от обратного размера кластера для металлического кластера (см. выражение (4) с $Q(L) = e$), совпадающей с зависимостями (5)–(7) для кластеров с размером $l > l_c \approx 2.5$ нм. Отклонение зависимости $\Delta R(1/l)$ от линейной наблюдается при $l_c \approx 2.5$ нм, чему при $q \rightarrow 0$ соответствует диэлектрическая проницаемость $\epsilon(l_c) \approx 10$. Отметим, что в длинноволновом пределе ($q \rightarrow 0$) в соответствии с экранировкой Томаса–Ферми в металле диэлектрическая проницаемость ϵ стремится к бесконечности. Следовательно, учет конечности размеров нанокластера приводит к отклонению экранировки от металлической, характеризуемой конечным значением $\epsilon \approx 10$, что, в свою очередь, в соответствии с выражениями (5)–(7) объясняет зависимость энергии релаксации ΔR от l при $l < l_c$.

Изменение экранировки в нанокластерах меди с размерами $l < l_c \approx 2.5$ нм обуславливает и наблюдаемую зависимость изменения энергии связи ΔE_b основных электронов с уменьшением среднего диаметра кластера (см. рис. 7). Действительно, отклонение зависимости $\Delta E_b(1/l)$ от линейной имеет место при размерах $l_c \approx 2.5$ нм. Поскольку, как видно на рис. 8, энергия $\Delta \epsilon$ начального состояния обратно пропорциональна среднему диаметру кластера на всем диапазоне исследуемых размеров, отклонение зависимости $\Delta E_b(1/l)$ от линейной может быть

Рис. 10. Зависимость индекса сингулярности Андерсона α от среднего диаметра l нанокластеров золота ($\square$) и меди ($\triangle$). Сплошные кривые 1 (Au) и 2 (Cu) — теоретические зависимости, построенные в соответствии с формулой (8). Штриховыми линиями 3 и 4 показаны величины α для объемных металлов Au ($\alpha = 0.04$) и Cu ($\alpha = 0.05$)

обусловлено только изменением функции $\Delta R(1/l)$ вследствие уменьшения экранировки.

В случае нанокластеров золота зависимость $\Delta E_b(1/l)$ аналогична зависимости для нанокластеров меди, отклоняясь от линейной зависимости при $l_c \approx 2.8$ нм (см. рис. 7). Можно предположить, что наблюдаемая особенность также обусловлена изменением экранировки остовой дырки валентными электронами кластера при размерах $l < l_c$.

Таким образом, согласно полученным данным, можно сделать вывод о том, что отклонение от металлических свойств нанокластеров меди и золота на поверхности ВОПГ происходит при характерных размерах соответственно $l_c = 2.5$ нм и $l_c = 2.8$ нм.

С помощью зависимости диэлектрической проницаемости ϵ от размера нанокластера также можно объяснить изменение асимметрии РФЭС-линии остовных уровней атомов нанокластеров, обусловленной возбуждением электрон-дырочных пар. Зависимости индекса сингулярности Андерсона α линий Au4f и Cu2p от среднего диаметра l нанокластеров золота и меди представлены на рис. 10. Видно, что при увеличении l величина α монотонно стремится к значениям, соответствующим объемному металлу, $\alpha \rightarrow \alpha_{bulk}$ ($\alpha_{bulk} \approx 0.04$ для Au и $\alpha_{bulk} \approx 0.05$ для Cu). Эти значения совпадают с известными в литературе [34]. При уменьшении среднего диаметра l нанокластера индекс сингулярности α увеличивается, достигая значений

$\alpha \approx 0.13 \approx 3\alpha_{bulk}$ при $l \approx 2.5$ нм для Au и $\alpha \approx 0.08 \approx 1.5\alpha_{bulk}$ при $l \approx 1.5$ нм для Cu.

Наблюдаемое изменение α не может быть объяснено лишь вкладом поверхностных электронных состояний. Действительно, в работе [35] при исследовании поверхностных состояний металлов с использованием синхротронного источника возбуждающего излучения наибольшее значение измеренной величины α достигается на поверхности и по отношению к объемному значению составляет $\alpha_s \approx 1.4\alpha_{bulk}$.

Выражение для величины α в случае нанокластера может быть записано в виде [33, 36]

$$\alpha(L) \approx \frac{\rho(\epsilon_F)}{2\pi^2 v_F} \int_0^{2k_F} q \left| \frac{V(q, L)}{\epsilon(q, L)} \right|^2 dq. \quad (8)$$

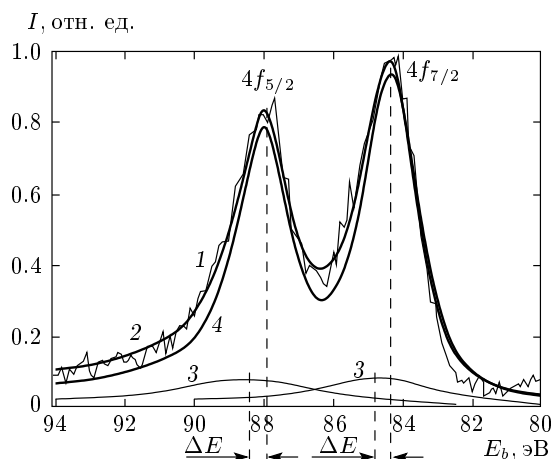
Здесь $V(q, L)$ — кулоновский потенциал дырки на остовном уровне нанокластера в фурье-представлении с учетом конечного размера кластера, v_F — скорость электронов на поверхности Ферми. Дискретность энергетических уровней в кластере конечного размера с учетом s - d -регибридизации приводит к зависимости плотности состояний на уровне Ферми от размера кластера и, следовательно, к зависимости $k_F \sim 1/l$, определяемой главным образом s -электронами.

Нетрудно показать, что в приближении $V(q)/\epsilon(q) = \text{const}$ выражение (8) сводится к известной зависимости [37]

$$\alpha \propto \left(\frac{V}{\epsilon} \rho(\epsilon_F) \right)^2,$$

которая может быть использована для качественной оценки величины α при изменении экранировки остовного потенциала и плотности электронных состояний на поверхности Ферми.

Численный расчет зависимости индекса сингулярности α от размера кластера согласно выражению (8) для золота и меди представлен на рис. 10 в виде сплошных кривых 1 и 2. Качественно полученные зависимости согласуются с экспериментальными данными. Увеличение α с уменьшением среднего диаметра l кластера (см. рис. 10) объясняется ослаблением эффективности экранировки потенциала остовой дырки электронами кластера и, следовательно, увеличением абсолютного значения экранированного потенциала $|V(q, l)/\epsilon(q, l)|$. Таким образом, наблюдаемые зависимости индекса сингулярности α и энергии экранировки ΔR от размера нанокластера имеют общую причину их возникновения: изменение диэлектрической проницаемости

Рис. 11. РФЭС-спектр $4f$ -уровня нанокластеров золота размером $l \approx 2.9$ нм (кривая 1), аппроксимированный функцией I_{DS} (см. выражение (2) в тексте): кривая 2 — с учетом спутных пиков одноэлектронных переходов (представлены кривыми 3), $\alpha = 0.12$, кривая 4 — без учета пиков 3, $\alpha = 0.07$

$\varepsilon(l)$, определяющей экранировку потенциала дырки на основном уровне атома электронами нанокластера.

Вместе с тем имеет место количественная расхожимость между расчетными и экспериментальными значениями величины α для нанокластеров Au и Cu. Так, для кластеров со средним диаметром $l \approx 2$ нм расчетное ($\delta\alpha_{th}$) и экспериментальное ($\delta\alpha_{exp}$) увеличение индекса сингулярности $\delta\alpha = [\alpha(l) - \alpha_{bulk}]/\alpha_{bulk}$ относительно значения для объемного металла ($\alpha_{bulk}^{Cu} = 0.05$, $\alpha_{bulk}^{Au} = 0.04$) составляет

$$\delta\alpha_{th}^{Cu} \approx 0.4, \quad \delta\alpha_{exp}^{Cu} \approx 0.6,$$

$$\delta\alpha_{th}^{Au} \approx 0.9, \quad \delta\alpha_{exp}^{Au} \approx 2.3.$$

Отсюда можно сделать вывод, что наблюдаемое увеличение асимметрии РФЭС-спектров с уменьшением размера нанокластера как для золота, так и для меди не может быть объяснено только лишь возбуждением $e-h$ -пар.

Увеличение асимметрии исследуемых спектральных линий, по-видимому, можно объяснить, принимая во внимание возможные процессы одноэлектронных возбуждений в вышележащие связанные состояния, проявляющиеся в возникновении спутного пика в РФЭС-спектре со стороны меньших кинетических энергий [14]. Такие возбуждения могут иметь место при достаточно малых размерах кластера диаметром $l \leq l_c$ ($l_c \approx 2.0$ нм) при переходе

от спектра состояний металла к дискретному спектру состояний нанокластера. При таких размерах изменяются экранировка потенциала остоной дырки (величина ΔR , см. рис. 8) и туннельный ток (см. рис. 3). Добавление к расчетному (рис. 11) асимметричному спектру с $\alpha = 0.07$ спутных пиков на расстоянии $\Delta E \approx 0.4$ эВ от основных линий $Au4f_{5/2}$ и $Au4f_{7/2}$ приводит к совпадению (спектр 2) с экспериментальным спектром в пределах погрешности измерений. Из этого следует, что в спектре дискретных состояний нанокластеров существуют свободные состояния с $\Delta E \approx 0.4$ эВ. Для нанокластеров меди расхождение расчетной зависимости $\alpha(l)$ и экспериментальных данных (см. рис. 10) существенно меньше, чем для нанокластеров золота. Из этого следует, что вклад спутных пиков в асимметрию РФЭС-линии $Cu2p_{3/2}$ меньше, чем в случае нанокластеров золота.

В соответствии с зависимостями $\alpha(l)$ на рис. 10 для нанокластеров Au вклад спутных пиков в асимметрию должен иметь место при $l < 4$ нм. Эти кластеры имеют высоту $h \approx 1.7$ нм (см. рис. 1). При таких высотах туннельный ток в СТС-измерениях имеет величину, промежуточную между значениями, характерными для металлических и неметаллических состояний нанокластеров (см. рис. 3).

Авторы признательны Ю. Ю. Лебединскому и А. В. Зенкевичу за помощь в получении нанокластеров с помощью импульсного лазерного осаждения, в проведении СТМ-исследований и экспериментов. Работа выполнена (М. А. П. и Д. А. А.) при поддержке совместной российско-американской программы «Фундаментальные исследования и высшее образование» (Basic Research and Higher Education Program 2003, Postdoctoral Fellowship) Американского фонда гражданских исследований (CRDF) и Министерства образования РФ (грант № Y1-P-01-12). Авторы также выражают благодарность Б. Йоханссону (B. Johansson), Н. В. Скородумовой, И. В. Тренину за обсуждение полученных результатов и Шведской Королевской академии наук за финансовую поддержку.

ЛИТЕРАТУРА

1. W. A. de Heer, Rev. Mod. Phys. **65**, 611 (1993).
2. T. J. Thornton, Rep. Progr. Phys. **57**, 311 (1994).
3. C. Binns, Surf. Sci. Rep. **44**, 1 (2001).

4. E. Ganz, K. Sattler, and J. Clarke, *Phys. Rev. Lett.* **60**, 1856 (1998).
5. C. Xu, X. Lai, and D. W. Goodman, *Phys. Rev. B* **56**, 464 (1997).
6. P. N. First, J. A. Stroschio, R. A. Dragoset et al., *Phys. Rev. Lett.* **63**, 1416 (1989).
7. H. Haberland, B. von Issendorff, J. Yufen et al., *Phys. Rev. Lett.* **69**, 3212 (1992).
8. В. Д. Борман, С. Ч. Лай, М. А. Пушкин и др., *Письма в ЖЭТФ* **76**, 7, 520 (2002).
9. K. Rademann, B. Kaiser, U. Even et al., *Phys. Rev. Lett.* **59**, 2319 (1987).
10. M. E. Garcia, G. M. Pastor, and K. H. Bennemann et al., *Phys. Rev. B* **48**, 8388 (1993).
11. J. Zhao, X. Chen, and G. Wang, *Phys. Rev. B* **50**, 15424 (1994).
12. J. Wang, G. Wang, and J. Zhao, *Phys. Rev. A* **68**, 013201 (2003).
13. P. H. Citrin and G. K. Wertheim, *Phys. Rev. B* **16**, 4256 (1977).
14. В. Д. Борман, В. В. Лебидько, М. А. Пушкин и др., *Письма в ЖЭТФ* **80**, 633 (2004).
15. P. H. Citrin and G. K. Wertheim, *Phys. Rev. B* **27**, 3176 (1983).
16. *Анализ поверхности методами оже- и рентгеновской фотоэлектронной спектроскопии*, под ред. Д. Бриггса и М. П. Сиха, Мир, Москва (1987).
17. G. D. Mahan, *Phys. Rev.* **163**, 612 (1967).
18. P. W. Anderson, *Phys. Rev. Lett.* **18**, 1049 (1967).
19. G. K. Wertheim, S. B. DiCenzo, and S. E. Youngquist, *Phys. Rev. Lett.* **51**, 2310 (1983).
20. M. Cini and P. Ascarelli, *J. Phys. F* **3**, 285 (1970).
21. Д. Займан, *Принципы теории твердого тела*, Мир, Москва (1974).
22. D. R. Rainer and D. W. Goodman, *J. Mol. Catal. A: Chem.* **131**, 259 (1998).
23. V. N. Nevolin, A. V. Zenkevich, X. Ch. Lai et al., *Laser Phys.* **11**, 7824 (2001).
24. S. Hufner and G. K. Wertheim, *Phys. Rev. B* **11**, 678 (1975).
25. S. Doniach and M. Sunjic, *J. Phys. C* **3**, 285 (1970).
26. A. R. Williams and N. D. Lang, *Phys. Rev. Lett.* **40**, 954 (1978).
27. H. Gronbeck and P. Broqvist, *Phys. Rev. B* **71**, 073408 (2005).
28. Э. Л. Нагаев, *УФН* **162**, 49 (1992).
29. В. В. Немошкаленко, В. Г. Алешин, *Электронная спектроскопия кристаллов*, Наук. думка, Киев (1976).
30. В. Я. Демиховский, Г. А. Вугальтер, *Физика квантовых низкоразмерных структур*, Логос, Москва (2000).
31. G. K. Wertheim, S. B. DiCenzo, and D. N. E. Buchanan, *Phys. Rev. B* **33**, 5384 (1986).
32. Н. Ашкрофт, Н. Мермин, *Физика твердого тела*, Мир, Москва (1979).
33. D. C. Langreth, *Phys. Rev. B* **1**, 471 (1970).
34. S. Hufner and G. K. Wertheim, *Phys. Rev. B* **11**, 5197 (1975).
35. G. K. Wertheim, D. M. Riffe, and P. H. Citrin, *Phys. Rev. B* **45**, 8703 (1992).
36. P. Ascarelli, *Sol. St. Comm.* **4**, 1998 (1974).
37. J. J. Hopfield, *Comm. Sol. St. Phys.* **2**, 2 (1969).